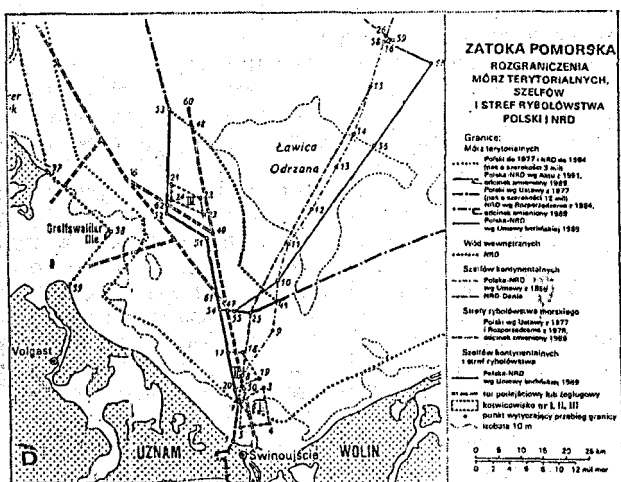

14. Jasica R. Spór między Polską i Niemiecką Republiką Demokratyczną o wody zatoki pomorskiej. Zespół Badań E.Jropy Wschodniej [brak daty wydania].
15. Kalicki W. Awantura o rybnę. Gazeta Wyborcza 2-3 lipca 1994.
16. Knypl Z. Morze terytorialne NRD. Technika i Gospodarka Morska nr 12/1988.
17. Knypl Z. Rozgraniczenie obszarów morskich Polski i NRD. Technika i Gospodarka Morska nr 8-9/ 1989.
18. Knypl Z. Rozgraniczenie obszarów morskich Polski i Niemiec w Zatoce Pomorskiej w świetle nowego traktatu. Budownictwo Okrętowe i Gospodarka Morska nr 4/ 1991.
19. Porozumienie zgodne interesem Polski. Rozmowa z Władysławem Napieralem, dyrektorem Departamentu I w MSZ Rzeczpospolita 24-25 maja 1989.
20. Problemy morskich wód przybrzeżnych Polski pod red. Kazimierza Jaskota. Uniwersytet Szczeciński Oddział Wojewódzki Stowarzyszenia PAX w Szczecinie. Szczecin 1989.
21. Zaremba P. Walka o polski Szczecin. Wrocław 1986.
22. Staby T. Prawna i rzeczywista sytuacja wód Zatoki Pomorskiej. Uwagi de lege lata i de lege ferenda. Przegląd Stosunków Międzynarodowych. Opole nr 1-2/1990.

Mapa zaczerpnięta z publikacji prof. Romana Jasicy Spór między Polską i Niemiecką Republiką Demokratyczną o wody zatoki pomorskiej.

Ковалёва Н. Н. (г. Брест, УО «БГТУ»)

АГРАРНАЯ ПОЛИТИКА РОССИЙСКОГО ЦАРИЗМА В БЕЛАРУСИ И ЮНКЕРСКО-БУРЖУАЗНОГО ГЕРМАНСКОГО ГОСУДАРСТВА в к. XIX – нач. XX вв. (сравнительный анализ)

Отмена крепостного права, как в России, так и в Германии, произошла значительно позже, чем в других развитых европейских странах. Ликвидация крепостного права в обоих государствах осуществлялась «сверху», т. е. путем правительственных реформ, и освобождение сельского хозяйства от феодальных пережитков носило затяжной, половинчатый характер. Эти обстоятельства предопределяют некоторую схожесть процесса развития капитализма в сельском хозяйстве в обоих государствах и делают правомерным проведение сравнительного анализа политики их властей.

Процесс освобождения крестьян от крепостной зависимости в Германии был очень длительным и болезненным. Первым шагом в проведении аграрной реформы стал закон, принятый в Пруссии в 1807 году, отменявший личную зависимость крестьян от помещика, но сохранивший феодальные повинности, связанные с земельным наделом. Так называемый Прусский эдикт об аграрных отношениях 1816 года установил порядок выкупа (а отнюдь не отмены феодальных повинностей), обязав наследственных держателей земли уступить своему господину 1/3 часть обрабатываемой земли, а ненаследственных держателей – даже половину.

Характерно, что право выкупа предоставлялось только более крупным крестьянским дворам, и лишь в результате революционных событий 1848 года оно было (в 1850 г.) распространено на все категории крестьянства. При всем разнообразии аграрных законов в немецких государствах XIX века прусское законодательство служило прототипом для большинства из них. Поэтому тяжелый для крестьянства путь развития капитализма в сельском хозяйстве имел место не только в Пруссии, он наблюдался и в Мекленбурге, и в других землях. В результате проведенных реформ:

- доля помещичьего землевладения не только не сократилась, но и увеличилась. В Пруссии и Мекленбурге юнкерские хозяйства площадью более 100 га занимали от 1/3 до половины используемых земель [1, 356]. В конце XIX века владельцы помещичьих и кулацких хозяйств (свыше 20 га) в Германии держали в своих руках 54,4 % земли [2, 67];
- получив в процессе аграрных реформ значительные денежные суммы (крестьяне выплачивали помещику за надел сумму, равную двадцатипятикратному, а позже – восемнадцатикратному размеру ренты), юнкера смогли провести капиталистическую модернизацию хозяйства;
- крестьянское хозяйство, лишённое большей части земли и обременённое выкупными платежами, разорвалось. В конце XIX века 3/5 крестьянских хозяйств Германии относились к категории карликовых (до 2 га), на их долю приходилось всего 5,6 % обрабатываемой площади [2, 66];
- разорение крестьянства привело к сокращению сельского населения. Самодеятельное население в сельском хозяйстве в процентах ко всему населению страны сократилось между 1882 и 1907 гг. с 45 % до 36 % [3, 17];
- община в процессе аграрных реформ была практически ликвидирована, а общинные угодья стали собственностью крупных землевладельцев.

Таким образом, основу хозяйственного производства в Германии после аграрных реформ составили крупные юнкерские хозяйства, пользовавшиеся поддержкой государства. Политическое и экономическое могущество юнкерства держалось на сохранении сословного представительства юнкерства в органах местного самоуправления. Хотя рейхстаг и утверждал бюджет, но это не усиливало его позиций, потому что имперские доходы состояли из поступлений от пошлин и акцизов, а недостающее покрывали «земли» из своих бюджетов. Традиции финансовой поддержки государства помещиков сложились еще в XVIII веке, когда были организованы так называемые «ландшафен» (земства), имевшие права широкого субсидирования помещиков. После установления в Европе длительного периода низких цен на зерно (в Германии – с 1819 г.) субсидии юнкерству стали выдаваться даже из так называемого благотворительного фонда [3, 85]. Когда аграрный кризис конца XIX века привел к падению земельной ренты, государство предприняло усилия для сохранения ее высокого уровня путем введения значительных пошлин на зерно. Пока германские юнкеры экспортировали зерно, они были сторонниками свободы торговли. В условиях аграрного кризиса 70-х–80-х годов германское сельское хозяйство не смогло выдержать конкуренции дешевого заокеанского зерна, поэтому юнкеры выступили сторонниками протекционизма. Аграрный протекционизм в Германии, введенный в 1879 году, оказался тесно связанным с промышленным: охранительные

пошлины защищали как юнкеров, так и буржуазию. Накануне первой мировой войны пошлины на железные товары составляли 13 %, а пошлины на хлеб – 28 % стоимости [3, 13]. Таким образом, в Германии государственные мероприятия, направленные на создание условий для ускоренного развития высших форм капитализма, сочетались с консервацией феодальных пережитков и укреплением экономических позиций аграриев. Вместе с тем, процесс разорения крестьянства и связанный с этим рост городского населения дал рабочие руки германской промышленности.

В процессе аграрной реформы 1861 года в России помещичье землевладение также было сохранено. Однако в последующее время происходит сокращение доли помещичьего землевладения. Площадь дворянского сословного землевладения в 5-ти белорусских губерниях с 1882 года по 1902 год сократилась с 11,4 млн. десятин до 9,02 млн. десятин (на 20,7 %), а крестьянское землевладение выросло за 20 лет в 5,3 раза [4]. За счёт сокращения помещичьего землевладения сформировался фонд нового купеческого и мещанского землевладения. В Беларуси сокращение помещичьего землевладения и ослабление помещичьих хозяйств в пореформенный период объясняется, главным образом, причинами политического характера:

- высылкой из края многих крупных землевладельцев католического вероисповедания после восстания 1863-1864 годов;
- наложением секвестра на их имения и неудачной попыткой насаждения русского землевладения в крае, что привело к упадку многих хозяйств;
- введением значительного контрибуционного сбора с помещичьих имений, который для католиков был отменен только в 1897 году;
- лишением католических землевладельцев права закладывать имения в Дворянском банке и приобретать новые, а крестьян-католиков – права пользоваться льготами в Крестьянском банке [крестьяне-католики только по закону от 1-го мая 1905 г. получили право арендовать землю и приобретать её у поляков. – Н. К.];
- существованием исключительно невыгодного для белорусских производителей железнодорожного тарифа, благодаря которому хлеб из русских губерний был в Беларуси дешевле местного, и вывоз хлеба за границу из Москвы обходился дешевле, чем из Минска, что привело к подрыву белорусского зернового хозяйства и упадку многих помещичьих имений.

Политика национальной дискриминации в отношении католиков и отсутствие в крае до 80-х годов XIX века кредитных учреждений привели к тому, что до 90-х годов помещичье хозяйство в Беларуси было слабо организованным. Следует также иметь в виду, что наибольшую финансовую выгоду от продажи земли крестьянам получили не помещики, а государство. И только на рубеже XIX – XX веков отдельные помещичьи хозяйства смогли укрепить свои позиции. При абсолютном сокращении доли помещичьего землевладения можно говорить об относительном росте численности крупных латифундий, сравнимых с хозяйствами немецких юнкеров. Численность владений свыше 100 десятин увеличилась по Виленской губернии с 1 838 до 2 110, а по Гродненской губернии – с 1 148 до 1 646 (с 1877 до 1905 год) [5, 51].

Что касается крестьянских хозяйств, то более льготные условия освобождения крестьян в Беларуси, чем в России (перевод в 1863 года всех крестьян на выкуп и снижение на 20 % выкупных платежей, более низкий процент налогообложения белорусского крестьянства) привели, с одной стороны, к росту числа безземельных крестьян, а с другой стороны, дали возможность «крепким» хозяйствам увеличить свои владения. Особенно заметен рост крестьянского землевладения по Виленской и Гродненской губерниям. К 1905 году по Гродненской губернии крестьянские дворы, имевшие от 5 до 10 десятин, составляли 10,4 %, свыше 10 – 85 %, по Виленской губернии соответственно – 31,5 % и 65,4 % [6, 25].

Повышение роли крестьянского хозяйства в экономике страны выразилось не только в росте крестьянского землевладения, но и в развитии капиталистической аренды. Если

учесть, что крестьяне получили наделной земли 5,5 млн. десятин [7], приобрели к началу XX века дополнительно 2,04 млн. десятин и арендовали к этому времени более 3,5 млн. десятин земли [4], то можно утверждать, что на больше́й части посевных земель Беларуси (11,4 млн. десятин) велось хозяйство крестьянского типа.

В пореформенный период правительство реализовало ряд мероприятий, направленных на ликвидацию пережитков феодализма и объективно содействовавших усилению мощности крестьянских хозяйств. Законом от 9.07 1886 г. ликвидировалось арендаторство на чиншевом праве: чиншевики переводились на обязательный выкуп, многие из них переходили к простой аренде (на срок от 6-ти до 12-ти лет) [8]. Решалась проблема ликвидации чересполосицы, возникшей в результате так называемой шнуровой системы формирования наделов при подворном землеустройстве, когда каждый хозяин имел столько полос земли, сколько усматривалось в крестьянском наделе видоизменений в качестве почвы, пахотных полей и покоев. В середине 80-х годов в Гродненской губернии чересполосица охватывала 42,1 % имений, в Виленской – 50,9 % [9, 98]. Дабы пресечь дальнейшее дробление крестьянских хозяйств и не усугублять проблему чересполосицы, Николай II в 1895 году согласился распространить на западные губернии действие «переселенческого» закона (закон от 13 июня 1889 года), разрешающего переселение в Сибирь. Однако правительство всячески давало понять местной администрации, что главным выходом из создавшегося положения следует считать не переселение избыточного населения, а распространение хуторской системы землепользования [10, 32]. Реализации задачи переселения крестьян на хутора долгое время препятствовали косность и бедность крестьянского населения и несовершенное законодательство, по которому для изменения порядка землепользования был необходим единогласно поставленный «приговор» о расселении из хутора (несогласие одного домохозяина могло стать непреодолимым препятствием на пути реализации мероприятия). В декабре 1897 года гродненский губернатор Д. Н. Батюшков предложил мировым посредникам при всяком удобном случае разъяснять пользу расселения. 30 мая 1898 года им было представлено министру внутренних дел ходатайство об отнесении расходов по составлению планов хуторных владений на страховый сбор, а также о разрешении выдавать беспроцентные ссуды на перенос построек и рытье колодцев [11, 7]. Ставший гродненским губернатором в 1902 году П. А. Столыпин считал переход к хуторской форме землепользования «главным фактором улучшения экономических условий вообще и сельского хозяйства, в частности» [11, 1]. Впоследствии именно он выступил инициатором известной аграрной реформы 1906 года. За 10 лет реализации реформы в западных губерниях было создано 130 тысяч хуторов и отрубов, что составляло 12 % общей численности крестьянских дворов [12]. Частично задача укрепления слоя сельской буржуазии и зажиточного крестьянства была решена. Это свидетельствует о том, что царское правительство не делало однозначно ставку только на помещичье хозяйство, а стремилось добиться повышения роли крестьянских хозяйств в экономике страны.

Что касается протекционистских мероприятий царского правительства, то протекционизм в России проводился не столь последовательно, как в Германии и объяснялся не столько стремлением государства защитить своего производителя, сколько стремлением увеличить доходы казны за счёт взимания высоких пошлин. Таможенная война 90-х годов с Германией [18] привела к сокращению количества немецких промышленных товаров на нашем рынке, что имело скорее негативные последствия в условиях дефицита сельхозтехники. А с другой стороны, стремление немцев защититься от русского хлеба ударило больше по производителям центральных российских губерний, чем по западным губерниям. Белорусский хлеб не был конкурентоспособным и на внутреннем российском рынке. Зерновое хозяйство на белорусских землях, в общем-то, никогда не было рентабельным. Чистая прибыль от производства ржи на одной десятине земли равнялась 8 руб 72 коп, ячменя – 11руб 47коп, картофеля – 57руб 90 коп [13, 46]. Себестоимость производства ржи в Беларуси составляла 54,1 коп за пуд, а в Туле – 25,1 коп за пуд [14, 43]. Отсутствие правительственных дотаций местным производителям хлеба и сложившаяся

ся политика железнодорожных тарифов вели к тому, что тульский хлеб на нашем рынке был дешевле местного. Начиная с 1884 года ввоз хлеба в Беларусь из России превышал вывоз.

В конце XIX века белорусское сельское хозяйство меняет свою специализацию, переориентировавшись на выращивание технических культур (картофеля, турнепса) и кормовых трав (клевера, вики и др.). В последнее десятилетие XIX века в сравнении с первым пореформенным десятилетием среднегодовой сбор картофеля в 5-ти западных губерниях возрос в 4,8 раза [15, 13]. По темпам роста травосеяния Западный регион занял первое место в европейской части страны, а по удельному весу кормовых трав в общей посевной площади – 3-е (после Прибалтики и Королевства Польского) [15, 15]. Если учесть, что в крестьянских хозяйствах до 43 % выращиваемого картофеля составляли столовые сорта (картофель шел в основном на нужды собственного потребления), [16, 139] а в дворянских хозяйствах 57,5 % выращиваемого картофеля составляли технические сорта (здесь картофель использовался на корм скоту и в целях промышленной переработки на винокуренных предприятиях) [9, 47], то говорить о возможности широкомасштабного вывоза картофеля из Беларуси не приходится. Действительно, в Беларуси ставка была сделана на развитие молочного животноводства, которое приобрело ярко выраженный торговый характер. И изменение структуры посевных площадей сыграло здесь немалую роль, так как и кормовые травы, и отходы винокуренного производства использовались для откорма скота.

В первой половине XIX века животноводство в Беларуси не играло значительной роли. Скот держали, главным образом, для навоза, и даже в помещичьих хозяйствах разведение скота на мясо считалось невыгодным из-за конкуренции со стороны Малороссии. К концу XIX века ситуация существенно изменилась благодаря реализации ряда правительственных мероприятий:

- строительству железных дорог;
- созданию скотопогонных трактов через территорию Беларуси;
- отмене 10-процентного сбора с дворян-католиков (это обстоятельство, также как и появление кредитных учреждений в крае позволили помещикам создать ряд «заводов» по разведению породистого скота и активизировать селекционную работу).

С 1856 по 1911 год стадо крупного рогатого скота в 5-ти западных губерниях возросло более чем в 2 раза [16, 148], причём проявилась тенденция приоритетного роста молочного скота. Если в 60-е – 70-е годы численность дойного скота составляла 1/3 часть от общего количества крупного рогатого скота, то к началу XX века – уже 50 % [16, 152]. Ставка на молочное животноводство объяснялась тем, что мясное животноводство, также как и зерновое хозяйство, подрывалось невыгодными железнодорожными тарифами, благодаря которым говядина, привезенная из степных районов России, была дешевле местной. В этих условиях белорусские города, в частности Брест, становились транзитными пунктами по вывозу на Запад продуктов российского животноводства.

В связи с расширением экспорта животноводческой продукции на правительственном и губернском уровнях пришлось решать ряд проблем, в частности, улучшения ветеринарного надзора, распространения сельскохозяйственных знаний и др. Отсутствие надлежащего ветеринарного надзора препятствовало вывозу скота за пределы империи. Германия использовала это как повод для прекращения ввоза скота из России, хотя многие болезни животных, например, ящур, распространились в Россию с Запада.

Проблема распространения сельскохозяйственных знаний долгое время решалась только благодаря усилиям сельскохозяйственных обществ, действовавших на общественных началах, которые занимались устройством публичных чтений, выставок, изданием различных сочинений по сельскому хозяйству [17, 92]. В крае хронически не хватало людей, которые занимались бы этим профессионально (агрономов, ветеринаров) по причине отсутствия здесь высших учебных заведений. Гродненский губернский комитет указывал на крайнюю необходимость того, чтобы иметь хотя бы по одному на губернию инструктору (по мо-

лочному хозяйству, по разработке торфа и т. д.) Действительно, должность инструктора становилась чрезвычайно необходимой для выполнения требований заграничного рынка (доброкачественность и известное однообразие товара), что могло быть достигнуто только при однообразии способа переработки сырья. Проблема создания в Беларуси соответствующих зоотехнических и агрономических служб помощи крестьянам была решена только в процессе реализации Столыпинской аграрной реформы.

Таким образом, своеобразие реализации аграрной реформы в России, значительное воздействие на развитие сельского хозяйства мер политического, а не экономического характера, постепенное повышение значения в экономике страны (по крайней мере, в Беларуси) крестьянского хозяйства позволяют говорить о существовании не только «прусского», но и русского пути развития капитализма.

1. История мировой экономики. Учебник для вузов / Под ред. Г. Б. Поляка, А. Н. Марковой. – М.: ЮНИТИ, 2001.
2. Всемирная история. Т. 7. – М., 1960.
3. Гольдштейн И., Левина Р. Германский империализм. – ОГИЗ, 1947.
4. Энциклапедыя гісторыі Беларусі. Т. 1. – Мн., 1993 (арт. «Аграрны крызіс»).
5. Довнар-Запольский М. В. Народное хозяйство Белоруссии. – Мн.: Изд-во Госплана БССР, 1926.
6. Статистика землевладения. 1905 г. – СПб., 1906. Вып. 13.
7. Энциклапедыя гісторыі Беларусі. Т. 6. Ч. 1. – Мн., 2001. (арт. «Сялянства»).
8. Энциклапедыя гісторыі Беларусі. Т. 6. Ч. 2. – Мн., 2003. (арт. «Чыншавая рэформа 1886 г.»).
9. Панютин В. П. Социально-экономическое развитие белорусской деревни в 1861 – 1900 гг. – Мн., 1990.
10. Верещагин П. Д. Крестьянское переселение из Белоруссии. – Мн., 1978.
11. Гродненская губерния. Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. – СПб., 1903.
12. Энциклапедыя гісторыі Беларусі. Т. 6. Ч. 1. – Мн., 2001. (арт. «Сельская гаспадарка»).
13. Сельское хозяйство России. – СПб., 1893.
14. Кожушков А. И. Развитие капитализма в сельском хозяйстве Беларуси во второй половине XIX в. – Мн., 1963.
15. Проблемы аграрной истории Беларуси (XIX–30-е гг. XX в.). Ч. 2. – Мн., 1978.
16. Жытко А. П. Дваранства Беларусі перыяду капіталізму 1861-1914 гг. – Мн., 2003.
17. Солоневич Л. Краткий исторический очерк Гродненской губернии за 100 лет её существования (1802–1902 гг.). – Гродно, 1901.
18. См. подробнее: Ковалёва Н. Н. Германский капитал в экономике Беларуси в к. XIX – нач. XX вв. // Материалы международной конференции «Актуальные проблемы германской истории, политики, экономики, культуры». – Брест, 2003.

Малыхина Л. Ю. (г. Брест, БГТУ)

РОССИЙСКО-ГЕРМАНСКИЕ ТОРГОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ: ПРОБЛЕМЫ ТРАНСПОРТИРОВКИ ЧЕРЕЗ ЗАПАДНЫЕ ГУБЕРНИИ В ПОРЕФОРМЕННЫЙ ПЕРИОД

В 60-70-е гг. XIX в. на передний план внешней торговли с Российской империей выдвинулась Германия, происходившая индустриализация в данной стране содействовала превращению её в крупную европейскую промышленную державу, нуждающуюся в сельскохозяйственном сырье и продуктах. Внешнеэкономические связи белорусских земель в пореформенный период (1861-1914 гг.) отображали собой процесс динамического включения российской экономики в международный капиталистический рынок. Интерес в этом процессе представляют использование и пути усовершенствования сухопутных и водных коммуникаций, а также других условий транспортировки товара через западно-белорусский регион.